

Продолжать ли нам использовать такие механизмы, которые мы уже имеем в отрасли, или все-таки задуматься о каких-то новых вариантах, новых инструментах? Ответы на эти вопросы попытались найти эксперты в ходе конференции «Энергетика России: новый цикл — новые трансформации».

ЛУЧШЕ С ПЛОХОЙ СТРАТЕГИЕЙ, ЧЕМ ВООБЩЕ БЕЗ НЕЕ

«Российской Федерации целесообразно начать разрабатывать собственную систему углеродных сборов. Но, по ощущениям, пока ни регуляторы, ни бизнес не готовы к этому», — заявил **председатель Комитета Госдумы по энергетике Павел Завальный**.

Павел Завальный

Он подчеркнул, что российские регуляторы и бизнес, безусловно, задумываются о том, как вписаться в безуглеродное будущее Европы, в том числе о последствиях введения трансграничных углеродных сборов, однако на данный момент больше разговоров, чем реальных шагов.

«Проблема в том, что мы во многом еще живем «до энергоперехода». В частности, наши отраслевые стратегии, начиная с Энергостратегии до 2035 года, и программы на их основе носят инерционный характер, — подчеркнул парламентарий в ходе конференции ИД «Коммерсант» «Энергетика России: новый цикл — новые трансформации». — Все мы помним, как принималась новая Энергостратегия: разрабатывалась, анализировалась, откладывалась в связи с тем, что от кризиса к кризису менялись условия мировой экономики и энергетики.

Кроме того, в рамках начавшегося энергоперехода, развития возобновляемой генерации, принятия национальных стратегий по развитию ВИЭ мы находились в условиях турбулентности, которая не давала возможности принять более выверенную Энергостратегию. Потом было решено ее принять по принципу «Лучше с плохой стратегией, чем вообще без нее», имея в виду, что она каждые пять лет актуализируется.

Когда наш Комитет давал заключение по этой стратегии, мы отмечали, что она носит инерционный характер, не учитывает на-

ИНЕРЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР

Сможет ли Россия органично вписаться в новый безуглеродный энергорынок?

метившиеся тенденции прогресса в энергетике. Но ее нужно было принять, чтобы было хоть какое-то целеполагание».

Еще одним ярким примером, по мнению депутата, является программа ДПМ-штрих, которая подталкивает компании проводить капитальные ремонты вместо глубокой модернизации, позволяющей радикально снижать выбросы. Это фактически консервирует российскую электроэнергетику.

«Возникает риск того, что углеродоемкость, недостаточная энергоэффективность нашей электроэнергетики станет обременением для всех производителей экспортной продукции, и они будут обречены уплачивать налоги в бюджет Евросоюза из-за «недостаточно зеленой» электроэнергии. Фактически мы будем субсидировать безуглеродное будущее Европы, — констатирует Павел Завальный. — На мой взгляд, сегодня необходимо не просто просчитывать риски от введения трансграничных углеродных сборов, а начинать разрабатывать национальную систему углеродного регулирования, приемлемую для бизнеса, для нашей экономики, и параллельно работать над ее признанием на международном уровне. Кроме того, надо вносить критерии энергоэффективности и уровня выбросов CO₂ в программы модернизации оборудования большинства отраслей.

И, конечно, нужно развивать новые сектора энергетики. Не секрет, что наши партнеры по «Северному потоку-2» уже сейчас говорят, что хотели бы получать по нему водород. Я считаю, у нас есть все, чтобы органично вписаться в новый безуглеродный энергетический рынок, вопрос в темпах принятия необходимых решений. На мой взгляд, сегодня они недостаточны».

ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Важную тенденцию выделил **заместитель председателя правления Ассоциации «НП Совет рынка» Олег Баркин**. Он отметил, что к настоящему моменту потребление не просто восстановилось даже относительно «документального» 2019 года, но и наблюдается его прирост. При этом, что интересно, изменилась структура потребления: в 2021 году объем потребления населения выше, чем в 2020-м и даже в 2019 году. На это повлиял объективный фактор — удаленка, но, как утверждает эксперт, есть и другие факторы, и данный вопрос требует внимательного изучения.

«Для энергетической отрасли это вызов, потому что экономика отрасли устроена так, что промышленность и все бизнес-потребители субсидируют объемы потребления населения. Пока мы с этой проблемой живем, но данный тренд — серьезный звоночек, ведь количество субсидируемых потребителей увеличивается, а субсидирующие только восстанавливаются после кризиса. Это один из факторов, который говорит о том, что в ближайшие годы надо с этой проблемой что-то делать», — говорит Олег Баркин.

Другим значимым фактором, по его мнению, является климатическая повестка. Она уже встала в полный рост для многих стран, в том числе для России. При этом в 2020 году участники рынка поняли: чтобы удержать свои позиции, нужно выполнять ESG-критерии, и активизировались на предмет ESG-отчетности.

«В России ситуация интересная. С одной стороны, мы имеем хороший задел по низкоуглеродной генерации: если брать в расчет не только новые виды ВИЭ, но и нашу большую гидро- и атомную генерацию, то в совокупности доля такой генерации достигает 37–40%. Это неплохой показатель на уровне других стран. Но нам

Олег Баркин

нужны инструменты для того, чтобы этим преимуществом пользоваться. Я считаю, что необходимо идти навстречу участникам этого рынка и всячески его поддерживать не только внутри, но и, безусловно, вести работу с мировыми экспертами, рынками, чтобы те инструменты, которые у нас появляются, были узнаваемы. Чтобы все это было корректно, надежно, прозрачно и чтобы участники рынка могли предъявлять соответствующий документ — сертификат или договор, который бы являлся подтверждением того, что они участвуют в актуальной повестке достижения целей устойчивого развития, — комментирует Олег Баркин. — Весь инструментарий углеродной по-

вестки позволит воспользоваться тем потенциалом, который у нас есть. Но эти технологии нужно развивать дальше, только в таком случае сможем снизить выбросы в энергетике. Весь мир сейчас конкурирует по этому критерию. В этой связи возникает вопрос относительно новых инвестиций, решений и строительства. Продолжать ли нам использовать такие механизмы, которые мы имеем в отрасли, или все-таки задуматься о каких-то новых вариантах, новых инструментах? Возможно, углеродный налог как-то простимулирует инвестиции в это направление. Главное — нужно решить в отрасли, чтобы эти новые инвестиции все-таки перевести на рыночные рельсы».

Хорошим примером эксперт считает сегмент ВИЭ, где осуществляется плавный переход от механизмов поддержки к возможности участников работать на рынке на конкурентных условиях и быть готовыми встраиваться в рынок без специальных механизмов. Этот критерий можно брать за основу и по другим направлениям.

НУЖНЫ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Между тем, как заявил **член правления, директор по энергетическим рынкам и внешним связям АО «СО ЕЭС» Андрей Катаев**, сегодня генерация на возобновляемых источниках энергии не оказывает существенного влияния на функционирование ЕЭС России. Однако в ОЭС Юга по итогам реализации программы поддержки развития возобновляемой энергетики ДПМ ВИЭ-1 будет построено 64,4% всего объема ВИЭ, финансируемого в рамках этой программы. В результате к моменту ее окончания в 2024 году объем мощности таких объектов может достигнуть 3,5 ГВт — то есть системно значимого уровня в 28% от установленной мощности тепловой генерации.

Андрей Катаев

Спикер подчеркнул: рост доли зеленой генерации требует изменения подходов к планиро-

ванию режимов работы этих энергообъектов. При этом традиционно в качестве механизмов интеграции значимых объемов ВИЭ в энергосистему рассматривается привлечение дополнительных ресурсов регулирования, развитие технологии прогнозирования нагрузки ВИЭ, использование управления спросом, а также расширение сетевой инфраструктуры.

«В настоящее время в рамках инициированной Системным оператором доработки процедур технологического управления объектами и рыночных механизмов в регламенты ОРЭМ включены положения, определяющие специальный порядок учета ВИЭ — в процедурах выбора состава включенного генерирующего оборудования, — уточнил Андрей Катаев. — Кстати, как показывает опыт других стран, существенный рост доли ВИЭ в энергосистеме влечет за собой трансформацию роли «классической» тепловой генерации. Она постепенно снижает свою значимость как источник энергии и все больше приобретает роль поставщика ресурса регулирования баланса выработки-потребления, поддержания частоты и уровня резервов».

ЗЕЛЕННЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛУЧАТ ФИНАНСОВУЮ ПОДДЕРЖКУ

Так или иначе, сфера ВИЭ остается привлекательной для инвесторов. Вот и Евразийский банк развития (ЕАБР) намерен до 2024 года обеспечить реализацию проектов в сфере зеленой генерации общим объемом 500 МВт. На эти цели будет направлено 600 млн долларов США.

По словам **управляющего директора — руководителя Дирекции по энергетике ЕАБР Александра Гареева**, сумма зеленых проектов в текущем инвестици-

Александр Гареев

онном портфеле Банка составляет около 500 млн долларов США, что соответствует 11% от всего текущего портфеля. Из них два проекта в сфере инфраструктуры и восемь в сфере возобновляемой электроэнергетики и жилищно-коммунального хозяйства.

Кроме того, Банк осуществляет поддержку экспорта технологического оборудования ВИЭ, произведенного в Российской Федерации, для реализации энергетических проектов в Казахстане. Объем профинансированных таким образом в Казахстане проектов составляет около 250 МВт. И это, вероятно, только начало зеленой эпохи.